

ВИТГЕНШТЕЙНИАНСКАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

«Языковая игра» выступает как понятие и метод рассмотрения речевой коммуникации и может быть рассмотрена как модель коммуникативной деятельности, отражающая социокультурный аспект языка и понимания, показывающая взаимосвязь лингвистических и нелингвистических действий людей. Правила употребления языка, установленные сообществом, актуализированы в менталитете определенных групп или наций. Таким образом, проблема «следования правилу» – проблема «узнавания» правил, варьирования «игры» и применения правил в новых условиях в соответствии с ментальными схемами интеркоммуникантов.

Ключевые слова: «языковая игра»; «следование правилу»; «картина мира»; проблема «переводимости»; «готовность» к взаимодействию.

Согласно теории лингвистической относительности каждый национальный язык содержит свою собственную онтологию. Однако если признать, что все «языковые миры» признаются изолированными, несоизмеримыми и равноправными, то становится невозможным общение между представителями различных языковых систем. Возникает вопрос о том, что является медиумом, обеспечивающим взаимопонимание и перевод разных языков, ведь в современном мультикультурном мире взаимодействуют различные дискурсы и системы взглядов.

Применительно к проблеме исследования наиболее близкой представляется концепция языка, разработанная в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. В трудах этого яркого представителя позитивизма родилось понятие об игре слов, понятие о языке как игре (или «языковой игре»), некоего строя человеческой деятельности, практики, в которой слова играют ту или иную роль. Философское понятие игры как внутренней динамики каждого вида искусства характерно для герменевтики. Л. Витгенштейн в своих рассуждениях соприкасается с этой позицией и разрабатывает теорию языковых игр. По аналогии с игрой языковая деятельность ориентируется на те или иные правила, которые можно и нужно предварительно изучать. Слово «игра» как философское понятие вписывается в само течение жизни, игрой называет Витгенштейн пользование языком, т.к. оно инициируется самим человеком, требует определенной искусности и творчества в его применении. Языковое творчество, в частности умение использовать разнообразные комбинации предложений, которые заранее непредвидимы и непредсказуемы, есть способность видеть аналогии, приспособлять язык к новым контекстам, накладывать новые «схемы» на содержание нашего опыта. «Язык следует изучать тогда, когда он работает, а не тогда, когда он «отдыхает» [1. С. 54]. Как известно, речевую деятельность, говорение – «языковые игры» – Витгенштейн рассматривал как «формы жизни».

«Выбранный термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорение на языке представляет собой компонент некоторой деятельности или некоторой формы жизни» [2. С. 81]. А позже «языковая игра» понимается им уже «как сама жизнь» [3. С. 65]. Она есть и поэтому не обосновывается. Усвоение «картины мира» в детстве – это тоже «форма жизни», а не чисто познавательная процедура; не просто знания, но реальные действия на основе уверенности в том, что говорят

взрослые. «Ребенок приучается верить множеству вещей... учится действовать согласно этим верованиям. Мало-помалу оформляется система того, во что верят; кое-что в ней закрепляется неизменно, а кое-что более или менее подвижно. Неизменное является таковым не потому, что оно очевидно или ясно само по себе, но поскольку надежно поддерживается тем, что его окружает» [4. С. 78]. Под «формой жизни» Витгенштейн понимает то, что формирует часть нашей человеческой природы: то, что определяет, как мы осуществляем наши спонтанные реакции. Практический контекст «форм жизни» опирается на ментальные сущности людей. Это утверждение очень важно с точки зрения не только межкультурной коммуникации, где язык связан с менталитетом нации или народа, но и с позиции социокультурного взаимодействия, где каждый индивид обладает собственной ментальностью, основу которой, естественно, составляют национальные миропредставления, зафиксированные в языке, а также и мировоззренческие установки, определяемые социальной средой и статусом каждой личности.

Живой, работающий язык необычайно сложен, включает в себя как бы множество взаимосвязанных «игр». Выявляя их типы в естественном языке (или придумывая их искусственные аналоги), Витгенштейн «сканирует» речевую практику, аналитически разграничивает ее компоненты, аспекты, уровни. Прежде всего он выделяет элементарные функции языка и варьирует их сочетания. Предполагается, что исходные речевые модели абстрагируются из естественного языка за счет его упрощения, возврата слов, фраз на ту реальную жизненную почву, где они обрели свои начальные значения. Над простейшими постепенно надстраиваются все новые, более сложные «игры». Так, создается «лесенка» усложнений языка, моделируется нарастание его возможностей.

В основу понятия «языковой игры» положена аналогия между поведением людей в играх как таковых и в разных системах реального действия, в которые вплетен язык. Их подобие, в частности, может быть усмотрено в том, что и там и тут предполагается заранее выработанный комплекс правил, составляющих «устав» игры. Этими правилами задаются возможные для той или иной игры (системы поведения или формы жизни) комбинации «ходов» или действий.

Витгенштейн не отрицал важную роль функции обозначения (именования) вещей в процессе формирования и действия языка. Именование – вполне правомерная

«языковая игра», и даже не просто игра, а набор разных игр, неустранимых из языка. Однако Витгенштейн отрицает, что это единственно возможная, базовая (исходная, предельная) и даже универсальная игра. По мнению Витгенштейна, именование уже предполагает владение языком, оно может быть осуществлено лишь на базе уже имеющегося языка. Можно сказать: «О названии осмысленно спрашивает лишь тот, кто так или иначе знает, как к нему подступиться» [2. С. 184].

Витгенштейн пришел к выводу, что традиционная именная модель языка опирается (одновременно закрепляя ее) на устойчивую и живучую, усваиваемую еще в детстве обыденную картину языка как именовании предметов и рассуждения о них. Ментальные картины (стереотипы), укорененные в нашем сознании, внушаемые самим языком, в стихии которого мы живем, очень прочны: принимая их за самоочевидные, как бы «срастаешься» с ними. Становится очень непросто отнестись к ним критично, отойти, дистанцироваться, усомниться в них. Еще труднее преодолеть эти картины, заменить их другими. Обычно в нелегком процессе высвобождения из плена данных картин участвуют время, постепенно нарастающие суммарные перемены в схемах мышления, опыте осознания.

Таким образом, в рамках социокультурного и межкультурного взаимодействия роль стереотипов является очевидной: с их помощью как бы навешивается популярный ярлык на многовариантный в действительности образ. Стереотипы однозначны и делят мир на две категории: «знакомое» и «незнакомое». «Знакомое» становится синонимом «хорошего», а «незнакомое» – синонимом «плохого».

В своих рассуждениях Витгенштейн обращается к проблеме «следования правилу». Он рассматривает значение как употребление, но употребление не произвольное, а регулируемое определенными, принятыми в языковом сообществе правилами. Овладевая языком, наша задача научиться следовать этим правилам. Если говорящий не следует этим языковым правилам, то его не понимают, коммуникация разрушается. Именно рассматриваемая стратегия, на наш взгляд, приводит к повышению эффективности межкультурного и социокультурного взаимодействия. Можно сделать вывод о том, что при взаимодействии на любом уровне необходимо осознавать и акцептировать формальные (лексико-грамматические) правила, а также содержательные правила, определяемые менталитетом субъектов взаимодействия. Но правомерен вопрос о том, в какой сфере, в каких фактах надо искать то содержание, которое однозначно детерминирует любые применения данного правила. Ответ очевиден: речь идет о некоем психическом механизме, который срабатывает определенным образом в случае, когда человек, усвоивший ту или иную языковую «операцию», сталкивается с ней в действительности (например, при взаимодействии). Для Витгенштейна овладеть правилом и умением ему следовать означает, что человек должен понять правило, держать в голове его смысл и действовать, сообразуясь с этим смыслом как с эталоном. Деятельность человека опирается на его сознание, поэтому естественно считать, что человек следует правилу не слепо, а на основе своего понимания.

Обобщая высказывания Витгенштейна о правилах «языковых игр» в различных его работах, можно отметить следующие особенности этих правил: правила управляют ходами в игре, их нарушение означает выход за пределы данной игры, влечет за собой ее прекращение [5. С. 184]. В следовании образцам и правилам «языковых игр» соединены условия коммуникации и соответствия реальности. Усвоение таких правил не сводится к простому их «выучиванию», а предполагает понимание и практическое освоение в совместной деятельности как участие в «языковых играх» и различных их ходах. В таких играх-практиках усваиваются не только правила, обеспечивающие достоверность, но сами значения слов, поскольку для Витгенштейна «...значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ есть то, что мы усваиваем, когда слово впервые входит в наш язык» [4. С. 72]. Эмпирические высказывания, которые мы принимаем как несомненные, сопутствуют нам всю жизнь, предстают как личностное знание, концептуальная картина мира. Они обладают, по крайней мере, двумя неотъемлемыми свойствами: системностью, ведь «...когда мы начинаем верить чему-то, то верим мы не единичному предложению, а целой системе предложений» [4. С. 78], и неявной формой их существования, когда «...те предложения, которые для меня безусловны, я постигаю отнюдь не в явной форме; такова природа и «картина мира», ибо она оказывается само собою разумеющимся основанием и как таковая не формулируется» [4. С. 80]. Итак, Витгенштейн показал не только конструктивную роль, но и социально-коммуникативную природу веры, возникающей как необходимое следствие нашего существования среди людей. Очевидно, что можно бесконечно наращивать объем информации, но ее усвоение и использование будет осуществляться на основаниях и предпосылках, в той или иной степени, принятых на веру.

В «Трактате» Витгенштейна разрабатывается проблема, связанная с построением «картины мира». Данная проблема рассматривается сквозь призму языка и логики. Витгенштейн считает: «То, чего мы мыслить не можем, того мы мыслить не можем; мы, следовательно, и сказать не можем того, чего не можем мыслить» [6. С. 81], а также «...границы моего языка означают границы моего мира» [6. С. 80]. Витгенштейн базирует свой анализ на целом комплексе логико-семантических понятий, таких как «логическое пространство», «логическая форма» и «форма действительности», «логический образ» и «логическая форма отображения». Если логические формы и законы определяются «природой нашего ума», то они могут изменяться только с изменением природы человека, его менталитета. В случае, если логические формы и законы не присущи нашему уму, они складываются в процессе практического употребления естественных языков (результаты «языковых игр»). В языке можно представить только мир, отвечающий законам логики. В данной ситуации правомерно сравнение «мира языка» с полем зрения глаза (аналогично лингвоментальным призмам у Гумбольдта). Имея дело только с тем, что лежит в поле зрения нашего глаза, мы не можем знать, что это поле зрения нашего глаза. Чтобы сделать такое заключение, мы должны выйти во вне, за границы этого поля зрения, –

только тогда мы могли бы установить, что имеем дело с реальностью видимой, охватываемой нашим глазом. При конструировании концептуальной «картины мира», модели мира используются различные «сетки», посредством которых осуществляется описание реальности. Различным «сеткам» соответствуют различные описания мира. Как следствие, мы получаем различные языки с различными языковыми и ментальными каркасами, онтологическими предпосылками, связанными с ними.

Витгенштейн проявлял глубинное понимание роли языка в видении мира, т.е. в нашем построении концептуальной модели мира, «картины мира».

Позднее творчество Витгенштейна, в принципе, не отрицает возможности соответствия между ментальными и синтаксическими структурами, но отвергает их семантическое соответствие. Свои объяснения ментальных состояний Витгенштейн строит не на уровне мозга или уровне наблюдаемых физических действий («стимулы» и «реакции» бихевиористов), а на более интегральном уровне личности, включенной в нормативный и правилосообразный культурный контекст (так называемая форма жизни как единство лингвистической и нелингвистической деятельности людей) [7. С. 153]. Причем связь таких контекстов и наших высказываний носит не каузальный, конвенциональный («критериальный») характер. «Жизненные формы» рассматриваются как основание любой культуры, имеющей определенный строй, который складывается из действий, подчиняющихся определенным конвенционально принятым в сообществе правилам.

Как следствие возникают проблема взаимодействия таких форм и возможность критической оценки степени их рациональности. Вместе с тем сближение данного понятия с понятием «языковая игра» дает повод для перенесения концепции «жизненных форм» на самые различные виды человеческой деятельности, не ограничиваясь при этом только крупными сообществами или сложившимися культурами.

В витгенштейнианской парадигме функционирования естественного языка особое место занимает проблема «переводимости» содержания какой-либо культурно-исторической общности на язык другой такой общности. Это представляется естественным, поскольку речь идет о том, что составляет основу сложнейшего процесса понимания «иных» или «чужих» культур. В условиях современного глобализирующегося мира это является особенно актуальным.

Межкультурное и социокультурное взаимодействие не может не сопровождаться признанием того обстоятельства, что коммуникация протекает в условиях неустраняемого разнообразия естественных языков и что перевод является одним из основных способов, с помощью которых преодолеваются порождаемые этим обстоятельством проблемы.

Современный лингвистический подход к переводу как простому перекодированию инвариантного содержания сообщений средствами другого языка относит на второй план или нередко элиминирует тот ментальный фон, который заложен в любом естественном языке и не может быть проигнорирован.

Особую значимость приобретают вопросы о том, насколько и каким образом естественный язык может

воплощать и передавать содержание той или иной культуры, включая основные ценности ее жизни, и о том, является ли он преградой или мостом для взаимопонимания.

Именно осмысление феномена «переводимости» позволяет выявить новые аспекты проблемы языка и менталитета и вывести на первый план такие явления, как концептуальность языка и языковая сущность ментальности.

В вопросе о познании «иных культур» Витгенштейн выделял концептуальный аспект данного процесса. В любом языке, подчеркивал он, заключена как бы целая «мифология», и потому для понимания и толкования лингвистических и нелингвистических действий необходимо «прокладывать свой путь» именно через язык [8. С. 253].

Усвоение как конкретными людьми, так и определенными поколениями людей уже существующей системы культурно обусловленных концептов, которые воплощены в естественном языке, обслуживающем процесс коммуникации, и употребление соответствующих им языковых выражений означают использование результатов практического опыта социума, нации и являются базисными для реализации процесса эффективного взаимодействия на межкультурном и социокультурном уровнях.

Витгенштейн считал важным проследить те цепочки, по которым осуществляется перенос значений с одного объекта на другой. В результате описания подобного переноса значения возникает то, что Витгенштейн называл «очевидным (наглядным) представлением», которое есть четкое видение всех соединяющих звеньев цепочки. И это представление будет служить не объяснением, а констатацией.

Но ни в коем случае нельзя навязывать правила своей собственной культуры иной культуре. Если мы осознаем, что к «иным культурам» нельзя применять принятые у нас критерии правильности, то у нас не будет оснований говорить о каком-то превосходстве своей формы рациональности и эффект «непонимания» постепенно минимизируется.

Ключом для понимания служит наличие языка, но во взаимосвязи с постижением отличающегося от нашего смысла жизни, «иного» менталитета. Язык аккумулирует ментальные установки субъекта, отражает его социальное бытие, посредством чего обретает свою уникальную системность и когерентность, что в конечном итоге обуславливает относительную самостоятельность его закономерностей, создающих принципиальную возможность общения и понимания.

Л. Витгенштейн в своем подходе в качестве «критерия» использует перформативы или речевые действия. Речевые и познавательные действия самым тесным образом связаны с иными жизненными практиками, которые благодаря своему выражению в языке обретают связь с окружающей действительностью в контексте коммуникации.

В заключение можно отметить, что эффективность взаимодействия на межкультурном и социокультурном уровнях напрямую зависит от степени «наученности» субъекта «прочитывать» не просто смысл слов, а их

употребление в предложении, которое он называет «языковыми играми».

В ситуации эффективного взаимодействия большое значение приобретает «осмысленность поведения» субъектов интеркоммуникации. В нашем видении представляется возможным соединить биологические и социальные модели поведения со смыслопониманием и опорой на лингвистическую парадигму. Ка-

ждый интеркоммуникант потенциально готов к реализации эффективного взаимодействия, но в разной степени, исходя из каждой конкретной ситуации. Однако умение вести диалог эффективно на любых уровнях непосредственно связано со сформированной способностью субъекта, «готовностью» к взаимодействию, заключающейся в желании и возможности осуществлять общение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Голубая книга. М.: Дом интеллект. книги, 1999. Т. 1. 128 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
3. *Авоян Р.Г.* Значение в языке. Философский анализ. М.: Высш. шк., 1985. 103 с.
4. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.
5. *Козлова М.С.* Философия и язык. М.: Мысль, 1972. 256 с.
6. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958. 132 с.
7. *Философские идеи Л.Витгенштейна.* М.: ИЛ, 1996. 169 с.
8. *Витгенштейн Л.* Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрезера // Историко-философский ежегодник '89. М., 1989. 768 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 ноября 2008 г.